

Чжан Сяо переформулировал вопрос:

— Ты изучал марксистский материализм? Часто проваливаешь экзамены?

Гао Цюн встал и подбросил Чжан Сяо ещё одну собачью шапку.

— Не слышал, что это такое, — он надел другую шапку на голову. — Я имею в виду, что история уже существует, поэтому ключевые моменты и события, которые изменяют её, тоже существуют. У нас с тобой нет сил, чтобы изменить эти ключевые узлы, понимаешь? Война, которая уже существует, неизбежно произойдёт. Если в армии А будет на два солдата больше, а в армии Б — на два меньше, разве это изменит факт войны?

— Это может изменить исход войны, — возразил Чжан Сяо. — Изначально армия А должна была победить, но из-за двух лишних солдат армии Б, которые нашли возможность убить главнокомандующего армии А, в итоге победила армия Б.

— Смерть главнокомандующего не обязательно повлияет на исход войны, — Гао Цюн начал снимать свою кожаную куртку, меняя её на серую хлопковую куртку. — Перед правилами времени все люди — ничтожные муравьи. Ты понимаешь?

Он редко говорил так много, рот пересох, и он стал ещё нетерпеливее. Подождав немного и не услышав ответа от Чжан Сяо, он поднял голову и обнаружил, что тот отступил в угол, крепко зажав нос.

Гао Цюн посмотрел на себя. На нём было мало одежды, после снятия куртки осталась только простая хлопковая рубашка темно-синего цвета с V-образным вырезом.

— ...Что опять? — Он действительно не понимал: неужели его внешность так привлекательна?

— У тебя... ещё есть драже с ингибитором? — глухо спросил Чжан Сяо.

— ...Осталось последнее, — Гао Цюн вытащил драже из куртки и бросил ему. — Ты хоть немного постарайся?

На этот раз, вовремя проглотив ингибитор, Чжан Сяо избежал кровотечения из носа. Он потер слегка болезненный нос, не решаясь больше смотреть на Гао Цюна, быстро оделся и выбежал наружу.

Гао Цюн сказал, что он не старается, и Чжан Сяо действительно чувствовал, что не старается.

Он также заметил одну вещь: у него была очень сильная реакция на Гао Цюна, но у Гао Цюна на него — никакой.

Хотя часовых и проводников называют «особой группой», за исключением выдающихся способностей и ментальных тел, во всём остальном они такие же, как обычные люди. Если захотят, проводник, испытывающий сексуальную реакцию, всё равно может объединиться с часовым, у которого нет такой реакции. Но, как правило, если обе стороны могут вызвать сильную реакцию друг у друга, их объединение будет сопровождаться более богатыми и интенсивными эмоциональными переживаниями.

Но у Гао Цюна этого не было.

Чжан Сяо тайком спросил Юань Ивэя, и тот сказал, что у Гао Цюна нет партнёра, и даже не

видел, чтобы он общался с другими проводниками. На работе, поскольку Юань Ивэй был опытным, он всегда выходил на задания вместе с Гао Цюном, а так как ментальное тело Юань Ивэя трудно контролировать, его часовой Чжоу Ша в большинстве случаев также отправлялась с ними.

Каким будет партнёр Гао Цюна?

Чжан Сяо не мог удержаться от фантазий.

Это мог быть мужчина или женщина, но, вероятно, это был бы невероятно сильный проводник. Они бы связались вместе, и Гао Цюн или его партнёр подали бы заявление, чтобы признать друг друга партнёрами.

Чжан Сяо не был особо расстроен, лишь слегка грустил, как весенний дождь, который не прекращается, но и не становится сильнее. Ему нравился Гао Цюн — сначала его внешность, затем его феромоны вызвали сильную реакцию, но, похоже, это ещё не привело к тому, что он хотел бы обладать Гао Цюном.

Закончив переодевание, они завернули свою одежду в узел, который Гао Цюн взвалил на спину.

От восточного переулка Цзисян до западного было недалеко. Но стоило выйти из восточного переулка, как сразу ощущалась разница: множество разных людей, толпы, шумные и оживлённые, особенно в этот дождливый день.

Переулок Цзисян находился в пределах старого императорского города, и люди здесь жили, одевались и ели более изысканно, чем за его пределами. Ребёнок, укутанный в красную ватную куртку, кусал булочку и смотрел на проходящих мимо двоих. Его мать, стоявшая сзади, наклонилась, чтобы вытереть грязь с его спины, ругаясь. Но, увидев Гао Цюна и Чжан Сяо, женщина тут же покраснела, прикрыла рот и замолчала.

Чжан Сяо не понял, в чём дело, подумав, что она увидела его голову, поспешно прижал шапку и улыбнулся ей.

Гао Цюн поторопил его:

— Не улыбайся. Она ляпнула гадость, и ей стыдно, что ты услышал.

Они говорили быстро, и женщина не всё понимала, но что-то бормотала, явно не местная. Она забрала ребёнка домой, плотно закрыв ворота.

— Видишь, ты её напугал, — сказал Гао Цюн.

Тот глупо засмеялся.

Усадьбу Тань Циина было легко найти, потому что она была слишком заметной. Даже по размеру ворот и величественным каменным львам перед ними было видно, что она отличалась от других.

Гао Цюн подошёл к воротам и постучал, но долго никто не отвечал. Они переглянулись, и Гао Цюн указал на стену:

— Ты — лезь через стену.

— ...А ты почему не лезешь?

— Я буду прикрывать.

— Иди ты.

Он почесал лицо и обернулся, чтобы оценить высоту стены.

Хотя причина была не совсем ясна, но, похоже, Гао Цюн очень старался разрядить обстановку. Случай с Оу Цином всё ещё давал о себе знать в Чжан Сяо, но он уже быстро справился с этим, повторяя себе, что это «работа». Тем не менее, получить немного заботы от Гао Цюна было приятно, хоть и совсем немного, и в совершенно неправильном направлении.

Чжан Сяо спустился со ступенек, чтобы найти место для перелезания через стену, но увидел на противоположной стороне улицы старика, который курил трубку, прищурившись и внимательно наблюдая за ним.

Чжан Сяо подумал, что этот старик выглядит как человек с историей, и поспешил спросить его:

— Дедушка, не подскажите, куда подевались все обитатели этого дома?

— Я сам отсюда родом, — ответил старик, оглядев Чжан Сяо. — Что вам нужно?

Чжан Сяо подумал, что, возможно, придётся снова придумывать историю, и поспешно оглянулся на Гао Цюна. Тот уже подошёл и перед стариком изменил свою версию: они были детьми старого друга Оу Цина, сегодня пришли навестить его, но обнаружили, что он тяжело болен, и он попросил их найти человека по имени Тань Циин, так как хочет увидеть своего друга перед смертью.

Этот Тань Циин никогда не упоминался в записях Оу Цина. Но раз он доверил свои записи ему, значит, их отношения были близкими. По дороге Гао Цюн и Чжан Сяо кратко обсудили это и пришли к выводу, что Оу Цин хотел защитить Тань Циина: слишком много людей хотели заполучить эти записи, и, поручив их Тань Циину, он не хотел выставлять его на глаза генералам.

Поэтому Оу Цин действительно поверил Гао Цюну, поверив, что тот найдёт все сокровища снаружи.

Услышав, что они спрашивают о Тань Циине, старик поспешно убрал трубку.

— Хозяин уже уехал, — сказал он. — Оу-господин этого не знает, наш хозяин сказал не рассказывать ему и не сообщать, куда он уехал.

Гао Цюн и Чжан Сяо удивились:

— А куда же ваш хозяин уехал?

Старик усмехнулся:

— На запад, в страну иностранцев. Как её... Великобританию...

Гао Цюн был поражён, хотел спросить ещё, но Чжан Сяо незаметно дернул его за рукав.

Старик продолжил:

— Оу-господин ищет нашего хозяина, может, хочет посмотреть его записи? Про переулоч Цзисян.

Чжан Сяо тоже удивился:

— Вы знаете об этих записях?

— Знаю, — ответил старик. — Записи у меня дома, но они неполные, только половина.

Они сразу же последовали за стариком в его дом. Этот старик был старым слугой семьи Тань Циина. Вся семья уехала, оставив лишь несколько слуг, чтобы присматривать за домом. Этот старик был слугой с времён его деда, и, будучи старым, не смог отправиться в долгий путь, поэтому остался присматривать.

У него действительно была половина «Записок переулоча Цзисян», но только вторая часть первого тома.

Поблагодарив старика, они не забрали записи, а сразу же ушли.

«Записки переулоча Цзисян» Оу Циина состояли из двух томов, и первая половина первого тома была посвящена его собственной жизни, а оставшаяся часть — записям о продаже различных артефактов за многие годы.

<http://bllate.org/book/16847/1550087>